

21. ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 311. Л. 12.
22. Там же. Д. 351. Л. 7 об.
23. Миненко Н.А., Рабцевич В.В. Указ. соч. С.114.
24. ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 260. Л. 33.
25. Там же. Д. 260. Л. 34.
26. Там же. Д. 90. Л. 5.
27. Там же. Д. 454. Л. 7.
28. Там же. Д. 351. Л. 60 об.
29. Там же. Л. 39, 41.
30. Там же. Д. 808. Л. 3 — 5 об.
31. Там же. Д. 351. Л.61.
32. Там же. Д. 260. Л. 30-30 об.
33. Там же. Д. 136. Л. 20.
34. Мозель Х. Указ. соч. С. 533.
35. ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.
36. ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 311. Л. 12.
37. Там же. Д. 351. Л. 22-23 об..
38. Там же. Л. 24 об.

А.С.Кузнецова

БАЛЫ И МАСКАРАДЫ КАК ЭЛЕМЕНТ УРАЛЬСКОГО ГОРОДСКОГО БЫТА (КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XX)

Изучение истории быта и культуры важно не только на общероссийском материале. В этой общей проблематике отличалась своеобразием городская культура. Сфера городского досуга, повседневная жизнь дореволюционного города мало изучена, особенно на материале российской провинции. Своей спецификой отличался уральский регион, центр горнометаллургической промышленности. В составе местного населения значительную долю составляли горнозаводские люди, горнотехническая интеллигенция интеллигенция, в том числе специалисты из Москвы и Санкт-Петербурга, выходцы из стран Европы. Соединение на Урале различных культурных традиций послужило формированию особой культуры повседневности и быта региона. Мир развлекательной культуры местного городского населения оказывался сложным и красочным. Важным его элементом были балы и маскарады.

Без изучения балных и маскарадных мероприятий в жизни уральского общества, его поведения, ценностных ориентаций и предпочтений невозможно воссоздать полноценную историю городов Урала. Особенно важен для изучения праздничных мероприятий уральцев

рубеж XIX — XX вв., когда бально-маскарадная культура становится массовой, проникает во все слои городского населения.

Следует отметить ограниченное число специальных работ по данной теме. Впервые анализ некоторых ее аспектов встречается в записках краеведа начала XX в. В.С. Верхоланцева, но эта книга описательна и является скорее источником для изучения городского образа жизни¹. Начало современного этапа в изучении бально-маскарадной сферы относится к концу XX в. Исследователь русской культуры Ю. М. Лотман говорит о грамматике бала, который складывался в некоторое целостное театрализованное представление, где каждому элементу (от входа в залу до разъезда) соответствовали типовые эмоции, фиксированные значения, стили поведения². В книге «Приметы милой старины. Нравы и быт Пушкиной эпохи»³ рассказывается про петербургские балы и маскарады, приводятся многочисленные литературные и эпистолярные свидетельства современников той эпохи. С.Е. Беляев упоминает о первых екатеринбургских балах, которые «устраивались при участии заводских или военных оркестров в честь знаменательных событий, приезда знатных гостей и на праздниках»⁴. О балах в общественных собраниях рассказывают Н.П.Балдина,⁵ С.С.Агеев, В.П.Микитюк⁶ Тему досуга уральских горожан затрагивает О.Н. Яхно — в своих работах она рассматривает общественные развлечения уральских горожан, характерные для начала XX в.; рассказывает о «елках» — зимних праздниках екатеринбуржцев, на которых часто устраивались костюмированные вечера и маскарады; говорит о маскарадных костюмах, указывает общественные заведения, где устраивались подобные мероприятия, отмечает стоимость билетов на общественные мероприятия⁷. М.Н. Начапкин пишет о благотворительных балах в гимназиях, об оформлении зала, устраиваемых во время балов спектаклях и лотереях.⁸ В статье Н.А.Миненко «Досуг и развлечения уральских горожан в XVIII — начале XX вв.» рассказывается об истоках бально-маскарадной культуры на Урале, ее особенностях, основных чертах. Автор подчеркивает связь екатеринбургских маскарадных действий с русской народной карнавальской культурой, которая сохранялась и в XIX в., говорит о бальных беседах и карточных играх, которые проходили во время бально-маскарадного действия⁹.

Периодическая печать («Екатеринбургская неделя», «Уральская жизнь», «Уральский край») дает представление о хронике событий повседневной городской жизни — здесь помещались объявления о предстоящих костюмированных вечерах, балах, праздниках. Интересны фельетоны, где бытовая сфера является фоном происходящего,

что делает их незаменимым источником. Реклама, содержащаяся в периодических изданиях, позволяет представить состав товаров и услуг («модные» магазины, где можно приобрести ткань для костюма, мастерские по пошиву бального платья, «прокат» маскарадных костюмов и масок, услуги «танцевального» учителя). Интересны материалы отчетов по благотворительным балам-маскарадам, где указываются основные статьи расходов и доходов мероприятия. Мемуарная литература, записки путешественников (в том числе отрывки из них, опубликованные в сборнике «Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев»¹⁰) существенно дополняют картину развлечений уральских горожан. Из мемуаров особенно надо выделить «Дневник священника», в котором приводится немало сведений о балах и маскарадах рубежа XVIII — XIX вв.¹¹ Свои воспоминания оставили очевидцы уральских балов и маскарадов: писатель А.И. Герцен,¹² чиновник Ф.Ф. Вигель,¹³ военный инженер И.Ф. Блаرامберг,¹⁴ преподавательница бальных танцев Н. Нестерова-Афиногенова,¹⁵ дочь городского головы З.И. Симанова¹⁶.

Уральские балы можно условно разделить на частные и общественные; они устраивались в честь знаменательных событий, приезда знатных гостей и на праздниках. Частные балы наиболее популярны в конце XVIII — середине XIX в., их устраивали высокопоставленные военные и горные чиновники. Екатеринбургский священник Ф.Л. Карпинский побывал на маскараде у полковника Маркловского, а следующий день — на балу у «г-на Раздеришина»¹⁷. Оренбургский губернатор Г.С. Волконский устраивал вечера для танцев, на которые он приглашал жен и дочерей казачьих офицеров в казачьих нарядах¹⁸.

В торжественные дни, такие как именины, дни рождения уральское общество часто устраивало пышные балы, маскарады и костюмированные вечера. Н.А. Чарушин, рассказывая о своем детстве в Вятке, пишет: «Вечер ... заканчивался танцами, в особенности на рождественских праздниках, когда наезжали ряженные и привозили с собой и музыку»¹⁹. Мемуарист Ф.Ф. Вигель был приглашен на бал казначеем Дягилевым, у которого «в этот же день жена была именинница»²⁰.

Общественными балами отмечались события, связанные с представителями царской фамилии. Так, в Екатеринбурге в 1825 г. был дан бал по случаю восшествия на престол Николая I²¹.

«Особыми» балами чтили высокопоставленных лиц. Так, например, 28 ноября 1845 г. в Екатеринбурге «по случаю отбытия генерала» Глинки «все вообще чиновничество» и богач А.Т. Резанов дали

бал²². В связи с отъездом в северную столицу оренбургского генерал-адъютанта в Оренбурге был устроен прощальный бал в Дворянском собрании.²³

Маскарады на Урале устраивались уже в первой половине XVIII в. Первоначально они напоминали крестьянские игры и представления, связанные с ряженьем. Свидетелем такого представления оказался академик И.Г. Гмелин. 31 декабря 1733 г. квартира академика заполнилась «замаскированными людьми» во главе предводителем — «Смертью». Музыканты играли, «господа и барыни плясали, Смерть и дьявол смотрели на происходящее и говорили что люди теперь в их власти». После того, как Гмелин дал Смерти денег на водку, вся компания удалась²⁴.

Однако «светские» екатеринбургские маскарады XIX в. уже мало напоминали традиционное ряжение. Д. Сигов описал зимние развлечения жителей Екатеринбурга 1830-х гг.: «Кто не видал столичных маскарадов, для того и здешние покажутся отличнейшими»²⁵. Ученый Дерпского университета К.Ф. Ледебур вспоминал: «Я был на блестящем маскараде, где дамские украшения — тяжелые золотые цепи и богатые ожерелья из шлифованного аметистового жемчуга, черного шерля и т.п. — свидетельствовали о богатстве этого края»²⁶.

Постепенно на место частных балов и маскарадов приходят общественные, на которые мог прийти практически любой желающий, заплатив за входной билет. В большинстве случаев подобные мероприятия устраивались с благотворительной целью. Первые известия об «общественном» бале в Екатеринбурге относятся к 1828 г.²⁷. Такие балы и маскарады проходили в зданиях Благородного, Общественного, а с начала XX в. — Коммерческого собрания, где «раз, а то и два в неделю устраиваются “дамские” и просто танцевальные вечера, а ближе к святкам — балы и маскарады»²⁸.

В Екатеринбурге к началу XX в. появились свои традиционные балы и маскарады, устраивавшиеся ежегодно в установленное время. Так, 24 ноября, в Екатеринин день, традиционно проходил бал в честь Екатеринбурга, где чествовали именинников²⁹. Балы в Общественном собрании Екатеринбурга давались ежегодно 28 декабря, в день открытия клуба³⁰. По словам очевидцев, этот бал был самым скучным, и многие не любили его³¹. 21-го ноября проходил так называемый «польский бал», выручка от которого шла в пользу бедных прихожан католического костела³².

Бальный сезон начинался 6 декабря каким-нибудь интересным и оригинальным балом или маскарадом³³, который «каждый год менял

название ... — «матросский», «белый»³⁴. Были ситцевый (впервые в декабре 1889 г.³⁵), шелковый и бархатные балы. Все, не бывшие в платьях из соответствующей ткани, платили штраф³⁶. «Давно залы нашего общественного собрания не вмещали столько публики и не представляли такого очаровательного вида, как вечером 6-го декабря» — вспоминал очевидец ситцевого бала³⁷. Собирались на бал в 10-11 вечера, конечно, предварительно выпавшись. Разъезжались часа в 3-4³⁸. Веселым и интересным бывал костюмированный бал 4-го января. Почти все являлись в масках и разнообразных костюмах. Но маски посреди вечера снимались. Все большее распространение получают детские вечера и балы, которые проводились между Рождеством и Новым годом и получили название «елка»³⁹.

Сведения о первых «праздниках Рождества с елкой» на Урале мы находим в воспоминаниях И.Ф. Бларамберга, которые он ввел еще в 1842 г. в Оренбурге, собрав «всех детей наших друзей и знакомых в моем доме»⁴⁰. В Екатеринбурге, 2-го января и на масленицу (в середине и конце февраля) проходил детский вечер. С 6 до 8 вечера для детей 5-ти лет, с 8 до 10 — для детей 9-11 лет, а для старших детей отводилось время от 10 до 12 часов. Ребята постарше развлекались разными бальными танцами⁴¹.

Балы и маскарады служили развлечением горожан не только в крупных административных центрах Урала, но и в уездных городах. Например, в Шадринске конца XIX — начала XX в. «городские балы — маскарады» устраивались: «железнодорожный», «русский», «боярский», «малороссийский», «цыганский», «зоологический»⁴².

На рубеже веков появляются новые формы праздничных мероприятий — костюмированный бал-базар⁴³, «фантастический» бал-маскарад⁴⁴, костюмированный вечер⁴⁵, концерт-бал⁴⁶, «праздник цветов и музыкальный вечер с живыми картинами»⁴⁷; балами отмечали свой «институтский» праздник горные инженеры⁴⁸, а Рождественский — студенты⁴⁹; устраивало свои танцевальные вечера екатеринбургское общество взаимного вспомоществования приказчиков⁵⁰.

К концу XIX в. понятия «бал», «костюмированный бал», «маскарад», «костюмированный вечер» постепенно сливаются. Композиция подобных мероприятий стала практически не отличаться друг от друга. В основе маскарада — бал, на который являлись в масках и характерных костюмах, поэтому бывало сложно отличить бал от маскарада и наоборот. Если в газетных анонсах позапрошлого века наиболее часто встречаются следующие названия — ситцевый, бархатный бал, то в «уездных» финансовых отчетах их называют маскара-

дами. Постепенно происходит соединение бала и маскарада в одно праздничное мероприятие, в основе которого лежали танцы, характерные для традиционных балов, но публика на таком мероприятии не надевала маски — главный атрибут маскарада. Балы и маскарады постепенно превращаются в неотъемлемую часть уральской культуры, они становятся массовыми, широко распространенными, проникают в слои простонародного городского населения, все чаще устраиваются в учебных заведениях, часто служат «дополнением» к пышному обеду, концерту или спектаклю.

Подобно российским столицам, «бальный сезон» в уральских городах начинался поздней осенью и разгорался зимой, а заканчивался на масленицу.

Основным элементом бала как «общественно-эстетического действия»⁵¹ были танцы. На протяжении XVIII — начала XX в. танец меняется. От народного массового русского танца он отходит под воздействием западноевропейской культуры, внесенной в уральский быт горными инженерами, двигаясь к традиционному европейскому бальному танцу, но с «уральскими» особенностями, отмечаемыми иностранцами-путешественниками, побывавшими в уральских городах. Первые сведения об уральских танцах мы находим в воспоминаниях ученого Жана Шаппа д'Отероша, после посещения Березовских рудников побывавшего на бале в 1761 г.: «Мне показалось, что русские танцы не имеют ничего общего с европейскими, за исключением немецких. Часто русские танцуют сразу вдесятером, а иногда только вдвоем: мужчина и женщина. В их характерных танцах влюбленный выражает свою любовь к возлюбленной... Возлюбленная отвечает, внося в ответ грацию своего пола. Русский танец становится своеобразной пантомимой, требующей немалой гибкости и проворства. Молодые люди крутятся на одной ноге, почти сидя, и приподнимаются на мгновение, кружатся по комнате»⁵². Восхищение автора русскими танцами служит прекрасной иллюстрацией самобытности русской танцевальной культуры, увиденной, понятой и блестяще переданной иностранцем. Русские провинциальные национальные танцы еще нельзя назвать бальными.

Традиционный бал в начале XIX в. начинался **полонезом**, который в торжественной функции первого танца сменил **менуэт**: протанцевав польский менуэт и один контрданс или экосез, Софья Николаевна, дочь «товарища наместника» сейчас же уезжала, «мелькнув в обществе, как блестящий метеор» — писал С.Т. Аксаков об уфимском бале.⁵³ В Общественном собрании Екатеринбурга ряженные танцевали **менуэт** и входила в зал под музыку **полонеза**⁵⁴.

Вторым танцем на балу считалась **кадриль**, которая иногда даже занимала место первого торжественного полонеза. Кадриль — первый танец бала, который допускал вольности, комбинацию разнообразных фигур. На Урале были распространены такие разновидности кадрили, как шестера, восьмера и четвера⁵⁵. По числу встречаемых в воспоминаниях и материалам печати рассказов о кадрили, можно предположить, что кадриль являлась одним из самых распространенных и любимых уральских танцев. У губернатора А.А. Катенина начались «вторники», где все собирались запросто и веселились без стеснения, чему пример подавали сами хозяева, усердно танцевавшие все **кадрили**⁵⁶. В Екатеринбурге мы встречаемся с разновидностью кадрили — **кадриль-монстр**. Последним танцем детского вечера была обычно **кадриль-монстр**, в которой между каждой фигурой вставлялся какой-нибудь бальный танец. Управлял, «дирижировал» кадрилию распорядитель, которого выбирали сами танцующие⁵⁷. Газета «Екатеринбургская неделя» сообщала: «...Кадриль *monstre* была назначена после второй, а не после третьей кадрили»⁵⁸.

После менуэта и кадрили наступала очередь **вальса**. Молодежь увлекалась этим новым танцем, а староверы ворчали, что он не приличен (известно, что на Урале было много староверов, может быть поэтому в воспоминаниях о местных балах так редко говорится об этом танце). В конце детских балов за кадрилию-монстр следовал «прощальный» вальс⁵⁹. Вальс танцевали на «традиционных» балах 24-го ноября в честь именин Екатеринбурга⁶⁰.

Мазурка составляла центр бала и знаменовала собой его кульминацию. Мазурка танцевалась с многочисленными причудливыми фигурами и мужским соло, составляющим кульминацию танца. Отличие между столицей и провинцией выражалось в противопоставлении «изысканного» и «бравурного» исполнения мазурки⁶¹. Норвежец К. Ханстеен вспоминал об уральском бале 1828 г., где «танцевали красивую **мазурку**, несколько похожую на Polksdands (польский танец) наших крестьян, в той мере, в какой хорошо воспитанный человек походит на мужлана»⁶². Завершались балы **котильоном**.

Таким образом, танцы, характерные для столичных балов, были широко распространены на Урале. Уральские балы практически не отличались от петербургских, разве только что временем появления — на местных балах танцы, которые были характерны для Санкт-Петербурга и Москвы в начале XIX в., танцевались на Урале вплоть до начала XX в. — это объяснялось удаленностью Урала от передовых столиц России. Балы, как уже отмечалось, служили развлечением

горожан не только в крупных административных центрах Урала, но и в уездных городах, но культура бальных танцев распространялась по Уралу неравномерно. Балы — элемент нетрадиционной, ненародной культуры, внесенный образованной интеллигенцией, прибывшей на Урал, быстро приживались, появлялись новые танцы, несвойственные общеевропейским балам (кадриль-монстр). Вскоре балы как «новая» форма отдыха широко проникают и в простонародную городскую среду (уже к 90-м гг. XIX в. общество взаимного вспомоществования приказчиков устраивает свои «танцевальные» вечера и балы).

Танцы служили организующим стержнем вечера, задавали тип и стиль беседы. Существовало такое выражение — «точить балы», в смысле, вести непринужденный, увлекательный разговор⁶³. Протоиерею Ф.Л. Карпинскому нравилось «точить балы» с «г-жой Веселковой»: «Она мне учинила выговор за мою нескромность, я ее превозносил хвалами, а она ето сочла в насмешку, чего у меня отнюдь не было в мыслях. Я ею был весьма доволен и только открывал прямо свои перед нею мысли»⁶⁴. Столичный корреспондент, побывав на уральском маскараде, сравнивал культуру Екатеринбурга с московской: «тот же утонченный вкус во всем, то же искреннее гостеприимство, те же пустые *гостиные сплетни...*»⁶⁵. Корреспондент «Екатеринбургской недели» рассказывает о беседах «бальной публики», сформировавшейся в группы «по рангам и симпатиям»: «В одной группе беседа шла о разновидности пирогов, в другой горячо рассуждали о принципах и о наивыгоднейших способах применения их к практической жизни»⁶⁶.

На балы и маскарады для аккомпанирования танцам и создания праздничной атмосферы, приглашались целые оркестры. Часто музыкантов специально для подобных мероприятий выписывали с местных заводов,⁶⁷ приглашали военные⁶⁸ и театральные оркестры.⁶⁹

Обучение танцам в уральских городах, подобно уральским столицам, начиналось рано — лет с пяти-шести. Путешественник отметил, что француз-танцмейстер мог бы порадоваться от души успешности своих стараний.⁷⁰ Но москвич Д.Сигов говорит, что «знатоку» здешние танцы не очень понравятся, так как «танцуют здесь не так грациозно и легко, как в столицах»: «это от того, что в Екатеринбурге нет хорошего танцевального учителя, а потому молодой человек, научившийся танцевать у хорошего танцмейстера, находится в большом затруднении, танцуя со здешнею дамою».⁷¹ Уже к концу XIX в. ситуация меняется: на страницах «Екатеринбургской недели» появляются объявления, где хореографы предлагают свои услуги.⁷² Это свиде-

тельствует о росте танцевальной культуры в городе. Одновременно увеличивается число балов. Научиться танцевать хорошо становится необходимым для общества того времени.

На балах и маскарадах не только танцевали и забавлялись шутками масок, но играли в карты. Генерал И.Ф. Бларамберг вспоминал: «наряду с музыкой и танцами пожилые дамы и господа играли в карты.⁷³ В Вятке проходили семейные вечера, где мужчины играли в карты, женщины сплетничали, а молодежь танцевала.⁷⁴ Одна из коммерческих игр — бостон — была возведена жителями Екатеринбурга в разряд «благородного искусства»: «жар, с каким в оную, и настойчивость играющих о соблюдении правил иногда производит забавные сцены».⁷⁵ «Карточная игра здесь, как и по всей России, явление обычное и, пожалуй, самое любимое развлечение, которым увлекаются все слои общества».⁷⁶ На балах и маскарадах играли на бильярде — это «страсть местных жителей и неизменяемая привычка».⁷⁷ Проводились и лотереи: «В большом киоске на полках были разложены различные предметы, начиная от туалетной вещицы из фарфора до медного самовара включительно. Выигрыш часто не брали, особенно громоздкие вещи, а мелкие кавалеры преподносили своим дамам».⁷⁸

Часто во время балов устраивали шикарные обеды. Особенно они были популярны на частных мероприятиях и устраивались в танцевальной части.⁷⁹ Часто во время подобных мероприятий выступалось «гуте» (угощение).⁸⁰ К концу XIX в., когда балы и маскарады становятся явлением очень распространенным и массовым, функцию всевозможных обедов и ужинов выполняет буфет. Средства, полученные от продаж вкусок обычно шли на благотворительность.

Многие путешественники, посетившие уральские балы отмечают «соответствие требованиям европейского вкуса» «Здесь, на сибирской границе, я увидел такие же богатые и элегантные туалеты, как за шесть месяцев до этого на берегах Невы».⁸¹ «Блестящие мундиры, богатые туалеты, музыка, обслуживание и ужин были не хуже, чем в Петербурге...»⁸² — пишет И.Ф. Бларамберг об оренбургском бале. «Модные наряды дам ничем не разнятся от столичных, схваченных с последних парижских картинок». «Мелькали, правда, старушки с платками на головах, но танцующие решительно были одеты по моде».⁸³ «...встречаются часто элегантные и модные наряды, что особенно удивляет, так как в Екатеринбурге нет торговцев модными товарами и все необходимое приходится привозить...»⁸⁴

Оренбургский генерал-губернатор специально для балов как «галантный кавалер» выписывал дамам из Петербурга бальные платья.⁸⁵

«Над нарядами трудились не только все наши модные мастерския; но плоды трудов своих прислал и новый Вавилон-Париж. Да, были платья, цветы и уборы, полученные к балу прямо из Парижа» — пишет очевидец екатеринбургского бала.⁸⁶ Костюм для такого торжественного мероприятия готовился заранее с особой тщательностью, например, приглашение на бал к известной в городе графине привело в волнение весь Оренбург. «Чтобы выбрать красивый костюм, просматривали все альбомы со стихами и иллюстрациями и т.д. Портные и модистки были заняты работой».⁸⁷ Чтобы блистать на бале в новом модном платье, уральские барышни просматривали все французские журналы с новейшими фасонами, которые получали крупные городские магазины готового платья. Покупательницы с восхищением рассматривали рисунки изящных воротничков и шляпок на страницах модных журналов. В изобилии предлагались блузки и юбки «в роскошном выборе», сшитые на парижских фабриках. Даже привозной товар из Варшавы тоже был исполнен по французским выкройкам.⁸⁸

О мужских костюмах и нарядах меньше сообщений. По словам корреспондента местной газеты, «среди монотонного многообразия черных фраков и жилетов довольно приятно выделялась декоративная сторона туалета известного винного заводчика Л.Б. Хотимского: его две золотые медали на широких Анненских лентах украшали его грудь и обращали на себя общее внимание».⁸⁹

Конец XIX в. знаменуется появлением «тематических» балов — ситцевых, шелковых, бархатных, на которые дамы должны были прийти в платьях из соответствующего материала. Если танцевать не хотелось — на бал нужно явиться в черном платье.⁹⁰ На семейных вечерах, которые проходили 4 января в Общественном собрании Екатеринбурга публика была одета скромно — дамы обычно в темные шерстяные платья, барышни — в шерстяные серого, песочного цвета или в белые шелковые кофточки и черные шерстяные юбки, мужчины — в форму и пиджаки.⁹¹

Писательница позапрошлого века Ж. Метц в фельетоне описывает атмосферу маскарада: «Пестрые костюмы... музыка... смех... тайна... шампанское... горящие взгляды сквозь узкие отверстия маски... ниши, полные тайны... Как жаль, что нужно надевать маску».⁹² Н. Марченко пишет, что на время маскарада маска становилась заменой «Я» личности, освобождая его от социальной роли, навязанной ему судьбой, от внешности, может быть немолодой или безобразной».⁹³

На костюмированном бале в честь именин графини Агнии Цукка-то 3 февраля 1844 г. в Дворянском собрании: сама графиня выбрала

красивый костюм маркизы времен Людовика XV и «предложила мне быть ее партнером и маркизом, и открыть с ней бал, — вспоминает И.Ф. Бларамберг. — Я сшил себе фрак из ярко-красного бархата по моде того времени, с кружевными манжетами, шелковый вышитый белый жилет, который доходил до колен, белые короткие панталонны, шелковые шнурки и башмаки с бриллиантовыми пряжками; на левой стороне груди я приколот мой персидский орден в бриллиантах, напудрил волосы и надел цилиндр с серебряными полями и перьями. Мой костюм маркиза был встречен бурными аплодисментами. Здесь можно было видеть всевозможные костюмы, среди них много красивых, сделанных с большим вкусом. Моя жена в греческом костюме была прелестна».⁹⁴

На костюмированном бале 4-го января в Екатеринбурге «почти все были в масках и разнообразных костюмах». Но маски посреди вечера снимались. Бывали «оперные» и «драматические» компании, когда пары изображали персонажей из опер и драм. «Я как-то, — вспоминает дочь городского головы З.Симанова, — являлась Маргаритой с Фаустом, Татьяной с Онегиным, Лизой с Германом». Подбирались персонажи целой пьесы до слуг включительно. Один из участников маскарада изображал волшебника, он пришел с огромной бочкой, в которой находился человек, выходивший оттуда то балериной, то монахом, то во фраке. В бочке он переодевался, и поэтому можно судить о ее размерах.⁹⁵

На маскарадах были боярские, итальянские, греческие, восточные, китайские, мавританские, цыганские костюмы, французские костюмы *jardinières* времени Людовика XIV.⁹⁶ На одном из екатеринбургских маскарадов появились костюмы Амперис (Аида) и вакханки с тигровой шкурой на плечах и тирсом в руках.⁹⁷

На декадентском вечере в Перми появился «колоссальных размеров» гусь, в клюве державший куклу, сидевшую на двухколесном велосипеде. Костюм этот, «сделанный чрезвычайно искусно» вызвал дружные аплодисменты.⁹⁸

Маскарадные костюмы не только специально заказывались и шились, но и могли быть взяты на прокат, особенно это широко распространилось в конце XIX в., когда маскарады были общественными.⁹⁹

Балам и маскарадам предшествовала тщательная подготовка: участники не только шили себе платья, но и оформляли балльный зал для создания атмосферы праздника. Восхищенные современники в своих воспоминаниях и на страницах местной печати делились яркими впе-

чатлениями о прекрасном дизайне, порою забывая рассказать о других событиях бала.

Д. Сигов с уверенностью говорит: «кто не видал столичных маске-радов, для того и здешние покажутся отличнейшими: великолепные освещенные залы, неумолкающий гром музыки...». ¹⁰⁰

Корреспонденты местных газет большое значение уделяют оформлению зала, подробно описывая детали декорации. Чаще всего залы, где проходили залы и маскарады украшали зеленью и флагами: «Зал освещенный а giorno, убранный зеленью и флагами и наполненный оживленной толпой кавалеров и дам... представлял очень красивое зрелище». ¹⁰¹ Бывало, что залы украшали особыми эмблемами, в зависимости от того мероприятия, которому был посвящен тот или иной бал, например, на празднике горных инженеров в Благородном собрании к стандартному направлению были добавлены горные значки». ¹⁰² Например, в залах «подводного царства» были установлены гроты и аквариумы. Окна были затянуты голубой кисеей, на которой «плавали», т.е висели рыбы, раки, медузы и т.д. А на бале цветов зал изображал лес, но ввиду зимы пришлось ограничиться только елками, соснами, пихтами. ¹⁰³ На балах-ярмарках участницы — дамы и барышни были в сарафанах и торговали с поставленных в зале телег и ларьков разными деревенскими сладостями, которые специально для этого дня заказывали в кондитерских. Шампанские и разные вина продавались тоже в «деревенской» посуде — серебряных жбанов и горках». ¹⁰⁴

Н.Нестерова-Афиногенова рассказывает про «польский бал», где в двух гостиных были установлены палатки в виде «ульев», в которых молоденькие девушки, одетые в костюмы «пчелок», предлагали гостям «польский медок» — сладкий напиток, за который гости платили, кто сколько мог. ¹⁰⁵

На бале цветов киоск при входе был оформлен «в египетском вкусе». Библиотека была превращена в мавританский киоск. Девушки в восточных костюмах предлагали халву «разных восточных лакомства». В гроте зимы из блестящих кусков льда, покрытых ледяными сталактитами, продавалось мороженое, а беседка лета из живых цветов снабжала публику бутоньерками и букетами. Столовая вмещала в себя боярский терем времен Ивана IV, декорированный традиционными петухами, вышитыми ширинками и полотенцами; здесь «боярыни» снабжали желающих «весельем». ¹⁰⁶

Благотворительные балы устраивались и в гимназиях. Лучшие рисовальщики гимназии украшали стены рисунками по мотивам ан-

тичности, рыцарской эпохи, русских былин. По сцене развешивались гирлянды электрических лампочек и елочные ветки.¹⁰⁷

Балы и маскарады — элементы нетрадиционной, ненародной культуры быстро приживаются на Урале, постепенно становятся неотъемлемой частью уральской культуры, они становятся массовыми, широко распространенными, проникают в слои простонародного городского населения, все чаще устраиваются в учебных заведениях, часто служат «дополнением» к пышному обеду, концерту или спектаклю.

Праздник — одна из наиболее устойчивых форм культуры. На протяжении многовековой истории страны они всегда опирались на традиции, но при этом меняли свои формы, приспосабливаясь к условиям времени.¹⁰⁸

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Верхованцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Краткий историко-статистический очерк. Пермь. Этнография губернского земства. 1913.

2. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1999.

3. Марченко Н. Приметы милой старины. Нравы и быт Пушкиной эпохи. М., 2001.

4. Беляев С.Е. Из музыкального прошлого Урала (XVIII — начало XX века). Музыкальное образование в старом Екатеринбурге. Вып. 6. Банк культурной информации, Екатеринбург. 1997.

5. Балдина Н.П. Пермь купеческая. Пермь, 2002.

6. Агеев С.С. Микитюк В.П. Рязановы — купцы екатеринбургские. Екатеринбург, 1998.

7. Яхно О.Н. Общественные развлечения в Екатеринбурге начале XX в. // Третьи татищевские чтения. Екатеринбург. 2000.; Она же. Общественные развлечения в Екатеринбурге начале XX в. // Четвертые татищевские чтения. Екатеринбург. 2002.

8. Начапкин М.Н. О традиции благотворительности в гимназиях Екатеринбурга // Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2002.

9. Миненко Н.А. Досуг и развлечения уральских горожан в XVIII — начале XX вв. // Уральский город XVIII — начале XX в.: история повседневности. Екатеринбург. 2001.

10. Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев. Екатеринбург, 2000.

11. Байдин В.И., Голикова С.В., Дашкевич Л.А., Нечаева М.Ю. Дневник священника // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1995. № 2.

12. Герцен А.И. Былое и думы. М., 1973. [Т.1]. Часть 1-3.

13. Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2003. Кн. 1.
14. Блаرامберг И.Ф. Воспоминания. М, 1978.
15. Нестерова—Анфиногорова Н. Воспоминания // Уральская старина: Литературно-краеведческие записки. Вып. 4. Екатеринбург, 2000.
16. Пешкова И. — Симанова З. Отец и дочь // Урал, 2003. № 8.
17. Байдин В.И., Голикова С.В., Дашкевич Л.А., Нечаева М.Ю. Указ. соч. С. 124.
18. <http://kraeved.opck.org>
19. Чарушин Н.А. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х XIX в. М., 1973. С. 16.
20. Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 350.
21. Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Указ. соч. С. 142.
22. Шкерин В.А. Генерал Глинка. Личность и эпоха. Екатеринбург, 1998. С. 295.
23. Бларамберг И.Ф. Указ. соч. С. 249.
24. Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Указ. соч. С. 22.
25. Там же. С. 183.
26. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993. С. 156.
27. Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Указ. соч. С. 158.
28. Там же. С. 508.
29. Екатеринбургская неделя. 1886. № 47. 30 ноября. С. 779.
30. Там же. С. 776.
31. Нестерова—Анфиногорова Н. Указ. соч. С. 187 — 188.
32. Там же. С. 168.
33. Пешкова И. — Симанова З. Указ. соч. С.17
34. Нестерова—Анфиногорова Н. Указ. соч. С. 187.
35. Екатеринбургская неделя. 1889. № 49. 10 декабря. С. 1038.
36. Пешкова И. — Симанова З. Указ. соч. С.17
37. Екатеринбургская неделя. 1889. № 49. 10 декабря. С. 1038.
38. Пешкова И. — Симанова З. Указ. соч. С.16.
39. Яхно О.Н. Общественные развлечения в Екатеринбурге... С. 409 — 410.
40. Бларамберг И.Ф. Указ. соч. С. 288.
41. Нестерова—Анфиногорова Н. Указ. соч. С. 188.
42. Миненко Н.А. Указ. соч. С.16.
43. Екатеринбургская неделя. 1891. № 8. 24 февраля. С.158.
44. Екатеринбургская неделя. 1896. № 4. 28 января. С.78-79.
45. Уральская жизнь. 1902. № 31. 31 января.
46. Уральский край. 1908. № 8. 10 января.
47. Екатеринбургская неделя. 1893. № 6. 7 февраля. С. 117.
48. Екатеринбургская неделя. 1894. № 4. 23 января. С. 78.
49. Уральский край. 1908. 10 января. № 8.
50. Екатеринбургская неделя. 1896. № 50. 22 декабря. С. 1261.
51. Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 91.
52. Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. указ. соч. С. 48.
53. Аксаков С.Т. Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. М., 1987. С.92-95.

54. Нестерова—Анфиногенова Н. Указ. соч. С. 189.
55. Балет. Энциклопедия. М., 1981. С. 231.
56. <http://kraeved.opck.org>
57. Нестерова—Анфиногенова Н. Указ. соч. С. 188.
58. Екатеринбургская неделя. 1889. №50. 31 декабря (прибавление) С. 1092.
59. Нестерова—Анфиногенова Н. Указ. соч. С. 188.
60. Екатеринбургская неделя. 1880. № 48. С. 776.
61. Лотман Ю.М. Указ. соч. С.96.
62. Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Указ. соч. С. 161.
63. Миненко Н.А. Указ. соч. С. 14.
64. Байдин В.И., Голикова С.В., Дашкевич Л.А., Нечаева М.Ю. Указ. соч. С. 133.
65. Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Указ. соч. С. 182.
66. Екатеринбургская неделя. 1880. № 48. С. 777.
67. Герцен А.И. Былое и думы. М., 1973. С. 312 — 313.
68. Уральский край. 1908. № 8; Бларамберг И.Ф. Указ. соч. С. 268.
69. Екатеринбургская неделя. 1886. № 1. 1 января.. С. 777.
70. Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Указ. соч. С. 142.
71. Там же. С. 183.
72. Екатеринбургская неделя. 1881. № 7. С. 103.; 1884. № 1. С. 17.
73. Бларамберг И.Ф. Указ. соч. С. 220.
74. Николаева Т. Династия Громозовых. // Купечество вятское. Киров-Вятка, 1999. С. 99.
75. Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Указ. соч. С. 183.
76. Там же. С. 202.
77. Там же. С. 187.
78. Нестерова—Анфиногенова Н. Указ. соч. С. 187.
79. Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Указ. соч. С. 47; Бларамберг И.Ф. Указ. соч. С. 293.
80. Герцен А.И. Указ. соч. С. 313.
81. Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Указ. соч. С. 233.
82. Бларамберг И.Ф. Указ. соч. С. 293.
83. Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Указ. соч. С. 182, 142.
84. Купфер А.Я. Путешествие на Урал // Уральская старина. Вып. 2. Екатеринбург, 1996. С. 77.
85. Бларамберг И.Ф. Указ. соч. С. 222.
86. Екатеринбургская неделя. 1883. № 47. 30 ноября. С. 776 — 777.
87. Бларамберг И.Ф. Указ. соч. С. 269.
88. Бухаркина О. Учитель французского // Урал. 2002. № 6.
89. Екатеринбургская неделя. 1880. № 48. С. 777.
90. Пешкова И. — Симанова З. Указ. соч. С.16.
91. Нестерова—Анфиногенова Н. Указ. соч. С. 186.
92. Уральский край. 1908. № 23. 27 января.
93. Марченко Н. Указ. соч. С. 40.
94. Бларамберг И.Ф. Указ. соч. С. 269.
95. Пешкова И. — Симанова З. Указ. соч. С.16.
96. Екатеринбургская неделя. 1880. № 48. С. 158.; 1891. № 10. С. 204.; 1889. № 49. С. 1038.

97. Екатеринбургская неделя. 1891. № 10. С. 204 — 205.
98. Уральская жизнь. 1902. № 31. 31 января.
99. Екатеринбургская неделя. 1881. № 47. С. 659.; 1884. № 1. С. 17.
100. Бларамберг И.Ф. Указ. соч. . С. 183.
101. Екатеринбургская неделя. 1889. № 50. 31 декабря С. 1092.
102. Екатеринбургская неделя. 1894. № 4. 23 января. С. 78.
103. Пешкова И. — Симанова З. Указ. соч. С.17.
104. Там же.
105. Нестерова—Анфиногенова Н Указ. соч. С. 187.
106. Екатеринбургская неделя. 1891. № 10. 10 марта. С. 204-205.
107. Начапкин М.Н. Указ. соч. С. 184.
108. Яхно О.Н. Общественные развлечения в Екатеринбурге... С. 410.